

Белое море — белые ночи

Экспедиция: "Транс Кола".

Цель: пройти Кольский полуостров от Белого до Баренцева моря по прямой, преодолевая морскую, речную, озерную воду, тайгу, гравий, болота, водопады, гати, скалы, песок, броды, камни...

Задачи:

- 1) удержать прорисованный на карте маршрут;
- 2) уложиться в график;
- 3) максимально сохранить здоровье и технику.

Техника: джипы, гидроциклы, квадроциклы, мотоциклы, рафты, кайаки, вездеходы...

Действующие лица:

Михаил Абызов, бизнесмен

Анатолий Чубайс, энергетик

Владимир Платонов, генерал

Иосиф Райхельгауз, режиссер

Карстен, немец

Саша Давыдов, спортивный руководитель

Вася Мозжухин, врач и кинооператор

Друзья, родственники, приятели бизнесмена, энергетика и генерала.

Инструкторы на маршруте, механики, летчики, пограничники, местные жители.

28 июня

Москва. Зной. Гарь. +32°.

Сегодня улетаем. Сказали, что самолет будет в 16.00. Я поверил. Сбор группы по случаю окончания сезона назначил на 12.00. Коротко подвел итоги, рассказал о планах, поздравил с началом отпуска. Взял две тяжелых сумки с выданным снаряжением и отправился во Внуково-3.

В Москве рекордная жара и рекордные пробки. Очень боялся опоздать. Оказалось, боялся напрасно: два основных участника экспедиции, Анатолий Борисович Чубайс и Михаил Анатольевич Абызов, еще не закончили важные совещания перед отпуском и будут позже. Ждем их в самолете.

Наконец, все собрались. Летим. Кто-то читает сегодняшние газеты, кто-то работает с ноутбуком, кто-то пробует наладить мобильную связь, чтобы догнать, не забыть, успеть, проконтролировать... Самолет монотонно гудит, и в терцию к его гулу прорезается чье-то посапывание-похрапывание. Потом чуть водки, сок, потом чай-кофе, потом опять немного водки — и Москва со всей ее работой-работой-работой отстывает...

Сели неожиданно быстро, и вышедший из кабины пилот объявил: "Мы в Архангельске". Если бы это был Хабаровск или Казань, ничего бы не изменилось. Среднестатистический провинциальный аэродром. Полу-ржавая техника, одинокие фигуры ее хозяев. Проросший сквозь трещины в бетоне бурьян, пыль... Лето.

У трапа нас встречает делегация "Архангельскэнерго": три человека в костюмах и галстуках, по каким-то своим тайным каналам узнавших о месте пересадки "главного". Взяв под козырек, они пытаются отдать рапорт сходящему с трапа полусонному Чубайсу в спортивном костюме. Рапорт принимается. Мы пересаживаемся в вертолет, и наш МИ-8, окончательно оторвавшись от цивилизации, мягко плывет над тайгой, озерами, паутиной рек.

На аэродроме остается Миша Абызов. Он полетит грузовым вертолетом, на котором к Белому морю перебросят гидротехнику и прочее снаряжение.

Летим совсем низко и разглядываем детали. Вот выгоревшая черная полоса в тайге, а рядом гора сплавленных напозающих друг на друга бревен, брошенные дома рыбаков на берегу, брошенные полусгнившие полужасыпанные песком лодки, какие-то остатки бывшей жизни. Вот показался маяк. Похоже, он обитает. Да, вокруг хозяйство: корова, собака, белье на веревке. А мы снижаемся, зависаем, выбирая для посадки островок между многочисленными речками и проливами, стекающими в море, и наконец приземляемся.

Дикий берег. Ощущение лета сменилось чем-то неопределенным. Очень холодно и очень много солнца. Северный парадокс.

Телефон не ловит, связь с миром — только через рации. Переход от цивилизованной и парализованной жарой Москвы к величественной дикости и спокойному холоду Белого моря сродни погружению в бассейн с холодной водой после хорошей парилки.

Расставляем палатки, перекладываем в рюкзаках и сумках вещи. Те, что из Москвы, — подальше, все спортивное — поближе. Кто-то пошел по дрова, но дрова здесь многометровые, кругляк — длинные гладкие стволы, причем куда подевались ветки — неизвестно. Из этих "дровишек" главный

энергетик Чубайс разжигает костер. В юности во время студенческих походов он приобрел огромный опыт по разжиганию костров в самых разных климатических зонах из самого разнообразного и нестандартного материала, и даже хотел написать пособие. Что-то вроде "Как разжечь из искры пламя в неблагоприятных условиях".

Слышен звук мотоцикла. Кто, откуда, как? С вертолета отчетливо были видны потоки воды, со всех сторон отгородившие путь к нашей первой стоянке... Оказалось, это смотритель маяка с женой и сыном. Гости рассказали, что пробрались сюда через русла рек и ручьев, обезвоженные отливом, и что это место называется Инцы. Так звали его староверы, бежавшие от реформ патриарха Никона. И.Н.Ц.И. — буквы, написанные на кресте. Исус Назарей Царь Иудейский.

Сейчас здесь остался только маяк, возле которого живут мужчина, женщина и мальчик. Живут и светят. Втроем они не просто уместились на двухколесном "коне", но еще привезли с собой мешок свежей, чуть присоленной рыбы, домашние пироги и что-то молочное от своей коровы. Наши в долгу не остались, и начался общий ужин. Прямо к ужину "подлетел" Миша Абызов. Свежую рыбу окрестили "суши". Генерал Владимир Платонов порекомендовал во избежание проблем запивать местное суши столичной водкой, и тут же опробовал рецепт на себе. Получилось хорошо, и мы продолжили.

Гости заторопились домой — надо успеть до прилива. Чубайс начинает объяснять смотрителю маяка про принцип работы приливных электростанций, а тот с детским восторгом осматривает и ощупывает высокотехнологичный, легкий и прочный складной стул, на котором сидит. "Возьми на память", — предлагает Чубайс. "Ну, тогда уж распишитесь на спинке, а то подумают, что я его украл. Никто не поверит, что вы здесь были".

Прощаемся. Гости возвращаются на маяк, рассекая на мотоцикле быструю прибывающую воду.

Казалось до вечера далеко, а по часам — два ночи. Светло, солнце зависло над горизонтом. Расходимся по палаткам. Всю ночь (или все утро?) ветер треплет суперпрочную палаточную ткань. Засыпаю с ощущением, что кто-то лупит мокрой тряпкой по крыше и стенам нашего укрытия.

29 июня

Солнечно. Прохладно. Время сбилось.

Первый переход на гидроциклах — на остров Моржовец. Это 80 километров от лагеря. Но погода ухудшилась, сильно штормило, и выходить

в море стало небезопасно. Гидроциклы все-таки решили опробовать у берега. Подготовка, а именно облачение в гидрокостюмы, оказалась делом долгим: термобелье, две пары шерстяных носков, шлем и сам гидрокостюм — тяжелый, неудобный, труднонадеваемый, с бесконечными молниями и очень тугой резиной вокруг шеи, от которой надолго оставались синие-черные следы. На берегу группа людей в непромокаемых оранжевых скафандрах походила на марсиан, но на воде ощущение неуместности такой одежды пропало мгновенно: гидроциклы при движении поднимают фонтаны холодной морской воды, и ты летишь вперед в бесконечном коридоре брызг.

Мне достался мощный трехместный агрегат. Управлять им несложно. Нужно как можно скорее забыть автомобильные навыки, потому что повернуть или развернуть гидроцикл можно, только резко нажав на газ. Решили пойти конвоем, то есть друг за другом, но волны разбросали всех в разные стороны, получилась вынужденная индивидуальная тренировка. Один гидроцикл выбросило волной на берег и вывернуло руль так, что вернуть его в рабочее состояние оказалось невозможно.

По сводкам погоды на завтра, шторм должен был утихнуть, и решили переходить горловину Белого моря напрямую, без захода на остров.

Вечером устроили огромный костер: весь берег усеян бревнами-плавунами, и во время прилива волна гоняет их, как спички. Осознаешь масштаб нашей планеты и нашей жизни в космическом измерении: некто высыпал в лужицу коробок спичек и забавляется, глядя, как беспомощно деревянные палочки крутятся и сталкиваются в поднимаемых им волнах.

У костра хорошо выпили и хорошо отдохнули. Володя Платонов, исполнив сперва лучшие песни из своего "спецназовского" репертуара — "мы застряли в горах, а в горах духаны..." — стал настойчиво интересоваться у немца Карстена, зачем НАТО вплотную подошел к нашим границам. Карстен, не слишком хорошо говоривший по-русски, приводил аргументы порядочного западного гражданина, поддерживающего политику Североатлантического союза. Володя все яростнее взывал к исторической справедливости, и в конце концов, решил разобраться с "противником" здесь и сейчас. Противостояние закончилось победой НАТО, потому что Володя, попытавшись применить хитрый борцовский прием, не устоял на ногах и упал на лопатки.

К вечеру, как оказалось по времени, снова попытались выйти в море и снова вернулись из-за шторма. С воды были хорошо видны несколько одиноких рыбацких домиков, оставшихся от некогда большого рыболо-

вещкого совхоза. Пошел к одному из них. Дом выглядел так, будто там кто-то есть: дверь не заперта, у крыльца аккуратным колодцем сложены дрова. Я постучал, покричал, и не услышав ответа, вошел. Печка, застеленная кровать, стол, на подоконнике — банки с крупой, соль, сахар, чай в пачках, спички. И газеты "Север" за 1991 год, агитирующие голосовать против Ельцина... То есть с того времени здесь, кажется, никто не появлялся, а если и появлялся, ничего не трогал.

30 июня

Наверное, утро. Солнечно. Холодно. Ветер.

Шторм усилился.

Баржу, которая должна была забрать оставшееся на берегу снаряжение, волной занесло в реку, впадающую в море недалеко от нашего лагеря. Веревкой затащили ее обратно — просто картина "Бурлаки на Волге"! Но поставить баржу на якорь не удалось, первая же большая волна развернула и выбросила на берег мощный стальной корпус. Промокшие в ледяной воде, грязные, усталые и обессиленные, мы пытались подпереть баржу бревнами, но каждая новая волна все глубже и глубже загоняла ее в прибрежный песок.

Володя Платонов пошел охотиться на уток.

Увидел утку с утятами — выстрелить не поднялась рука. Потом заметил спокойно сидящих на воде птиц, долго подползал ближе, стараясь не их не спугнуть, прицелился и сообразил, что утки — деревянные... Местные охотники вырезают таких птиц и сажают на воду, чтобы привлечь стаю. На их жаргоне такая подмена называется "чучело", с ударением на последний слог. Именно на такое чучело и попался генерал Платонов.

В это время командование совещалось, стоит идти на гидроциклах или нет. Решили все-таки не идти, но после обеда провести серьезную тренировку, чтобы рассчитать, за какое время при такой волне можно преодолеть необходимое расстояние. Саша Давыдов нарисовал на песке, кто за кем стоит в конвое, все зарядили рации и ракетницы, стали пробовать связь. Все работало отлично. Заняв позицию строго в соответствии с планом, участники экспедиции выстроились "свиньей". Впереди, конечно же, Саша Давыдов. Он махнул рукой, и мы выдвинулись в море. Но уже метров через сто повторился вчерашний сюжет — гидроциклы раскидало волнами, и наш строевой порядок был разбит. Никого не было видно, кругом — только фонтаны брызг. Покрутившись еще чуть-чуть около берега, я решил прекратить бессмысленную тренировку, а когда высадился, обнару-

жил, что все остальные поступили так же. Мы помогли друг другу расстегнуть гидрокостюмы, разбрелись по палаткам, переоделись и начали стягиваться к костру. В ожидании ужина выпили водки, расслабились и подобрили. Вдруг кто-то спросил: "А где Чубайс?". Действительно, мы не сразу заметили, что Анатолия Борисовича у костра не было. Решили, что он в палатке, и пошли звать. Никто не ответил. С некоторой тревогой стали выяснять, кто видел Чубайса последним. Выяснилось, что на берегу его не видел никто, и тревога усилилась. Кто-то побежал к морю и стал вглядываться вдаль, как будто там можно было хоть что-то увидеть кроме волн и серого неба, падающего у горизонта в серую воду. Саша Давыдов немедленно оседлал гидроцикл и выдвинулся на поиски Чубайса. Доплыл до "Маяка", по радиции сообщил Абызову, что Чубайса не видно, прочесал прибрежную акваторию, вышел в открытое море, снова передал по радиции неутешительные вести. Дали сигнал на баржу — не ту, которая застряла у берега в песке, а другую, переживавшую шторм вдали от берега. Новостей не было. Мимо них Чубайс не проплывал.

Уже прошло больше двух часов с момента начала злополучной тренировки, уже поднялся в воздух наш вертолет и вертолет МЧС, вызванный из Мурманска, когда сообщили, что по радиции слышали голос Чубайса. Одновременно вдалеке — вовсе не со стороны маяка, откуда все ждали возвращения пропавших гидроциклистов, и куда направился их искать Саша Давыдов, — показались две точки, стремительно приближавшиеся к берегу. У берега точки материализовались в гидроциклы Чубайса и сопровождавшего его спасателя. Даже не притормозив у кромки воды, искатели приключений вылетели на песок. Чубайсу помогли снять шлем и расстегнуть гидрокостюм, поднесли стакан водки, и выпив, он выразился о происшедшем крайне резко, ненормативно и непечатно. Я понял, что выражение его лица описать словами невозможно, и пошел за фотоаппаратом...

Оказалось, что связь дала сбой, а спасатель, специально приглашенный для тренировок в открытом море и видевший Чубайса второй раз в жизни, испытывал перед ним такой трепет, что шел от "шефа" в почтительном отдалении. И пока председатель РАО "ЕЭС России" рассекал штормовые волны на "табуретке" (так назывался легкий гидроцикл, категорически не пригодный к использованию в сложных погодных условиях), считал, что начальству виднее, и если оно рвется в открытое море, то так и надо. В это время Анатолий Борисович из последних сил удерживал руль и не мог взять в толк, почему "тренер" не дает команду вернуться в лагерь...

Потом уже, выпив горячего чая и горячего вина, все немного расслабились и стали вспоминать, как Катя Абызова уверенно повторяла: с Чубайсом ничего не может случиться, потому что он "живее всех живых".

1 июля

Холодное утро. Яркое солнце. Ветер.

Волны слегка улеглись, хотя до штиля еще далеко. Гидроциклам такие не страшны, и Саша Давыдов дает команду к переходу. Собираем лагерь — каждый свою палатку. Снова упаковываемся в гидрокостюмы, пока наполовину: верхняя часть отогнута, рукава болтаются ниже колен, и мы напоминаем каких-то четвероногих. Эта небрежность в одежде имеет сугубо практический смысл: стоит только влезть в рукава и застегнуть молнию сзади, как ты оказываешься запечатанным в резиновую оболочку и без посторонней помощи не можешь даже справиться нужду.

Лагерь собран. Весь накопленный за эти дни мусор сгребаем в одну кучу. Саша Давыдов заливает ее бензином и поджигает. Снаряжение упаковываем в "именные", подписанные фамилией и номером экипажа непромокаемые мешки и грузим на баржу. С собой на гидроциклы берем только контейнер с водой и рацию, надежно упрятанную в водонепроницаемый чехол. Многие развлекают воду энергетической добавкой: на вид сироп, на вкус — что-то лекарственное. Мне не понравилось.

Саша еще раз оглядывает местность: не осталось ли мусора. Кострище засыпают землей, и место нашей стоянки приобретает первоначальный, экологически чистый вид.

Все, кроме Чубайса, который, по понятным причинам, охладел к своей "табуретке", стремятся сесть на уже "объезженный" гидроцикл.

Перед тем как спустить машины на воду, окончательно запечатываем гидрокостюмы, застегивая на спинах друг у друга молнии. Пробуем рации. Связь в порядке.

Волоком втаскиваем гидроциклы по песку в воду, и каждый следующий — все тяжелее, потому что народу на берегу все меньше и меньше. Первый пошел... Второй пошел... Последний — Саша Давыдов. И он же первый в "свинье".

Двинулись!

Давыдов резко газует и улетает вперед. Мы пробуем не отстать, и становится по-настоящему страшно. Идти нужно наперерез волне, которая нам, автомобилистам, кажется "лежачим полицейским", неожиданно возникшим на пути при скорости километров сто пятьдесят в час...

Довольно быстро намеченный строй рассыпается, потому что в потоке брызг, свиста — тут уж не до строя, лишь бы к кому-то пристроиться. Я обнаружил, что волны, идущие от соседа, отбрасывают в сторону, поэтому резко ушел влево, почти догнал лидера — Сашу Давыдова, и сам стал гнать волну.

"Свинья" превратилась в "змею". Саша Давыдов резко затормозил. Я не понял, что случилось, остановился и спросил его об этом по радиии. Саша сказал, что слишком растянулись, и нужно всех собрать. Последнего ждали минут десять. За время перехода таких остановок было несколько.

Страшновато, потому что берега нет, ты в открытом море. С дорогой проще, понятно, куда она ведет. Здесь направление определяет впереди идущий. Давыдов по радиии просит кого-то всех сосчитать. Я понимаю, кого он просит, потому что слышу гул мотора. А потом появляется вертолет. Он-то нас и считает.

Вертолеты во всех экспедициях появляются неведь откуда и исчезают незнамо куда. У них свои графики, диспетчеры, заправки, коридоры. Никогда не знаешь, когда прилетят, когда улетят... Все это каким-то образом соотносится с нашим маршрутом, но каким именно — знают только Господь Бог и Саша Давыдов.

Проходит полтора-два часа, и тут начинают посещать нехорошие мысли, что гидрокостюм может оказаться мокрым не только снаружи. Берега не видно, и конца страданиям тоже. Потом мы обменялись впечатлениями, и оказалось, все думают, что такая неприятность только с ним, а у остальных все в порядке. Вертолет возвращается, и по радиии у него спрашивают, виден ли берег. Скорость повышается, несколько раз вдали мерещится берег. Потом оказывается, что это мираж, а когда очередной мираж не исчезает, гидроциклы уже не скользят по воде, а летят. Выпрыгнув на берег, на ходу срывая с себя перчатки и шлемы, путешественники молча и нервно расстегивают друг другу молнии на спине и пулей устремляются в ближайшие кусты. Один из нас устремился настолько стремительно, что забыл про молнию сзади и через несколько секунд еще стремительней выбежал из кустов, жестами призывая бегущих навстречу немедленно ее расстегнуть.

Мы перешли горловину Белого моря ("горло", как говорили наши профессионалы), и после короткой остановки двинулись вдоль берега. Саша Давыдов рванул с максимальной скоростью. Саша, не гони!!! Дай увидеть берег! Посмотри, как красиво!

А смотреть было на что...

Деревеньки, избушки, церквушки...

Все похоже на старую графику в картинной галерее. Деревянные домики, которые в течение веков продувал соленый морской ветер, приобрели серый графитовый цвет, с разной интенсивностью проступающий на фоне сероватого неба.

К концу перехода волны улеглись, наступил штиль, и через разрывы в облаках мощно, как прожектор, выстрелил солнечный луч. Всю дорогу я держался за Сашей Давыдовым, но усталость дала о себе знать, руки занемели от напряжения, и я немного отстал. Рядом притормозил Миша Абызов и сказал: "Не торопись, давай полюбуемся закатом". Я слышал этот "пароль" не впервые и понимал, что закат ни при чем, тем более здесь, на Севере, где день никогда не клонился к вечеру. Абызов достал фляжку, из которой мы хлебнули чего-то очень крепкого и очень вкусного. Так было каждый раз, когда кто-то рядом идущий предлагал "полюбоваться" небом, облаками, морем, горными вершинами, туманом или радугой.

На самом деле солнце зависло над горизонтом, чтобы скоро снова подняться в зенит, и прочертило на воде широкую световую дорожку. По ней мы неспешно подошли к берегу.

Залив, несколько домов на пригорке, старая церковь, колокольня без купола и сельский погост. Деревня казалась давно покинутой, и мы, вышедшие из моря, в оранжевых скафандрах, шлемах и высоких сапогах, выглядели как космические пришельцы, обнаружившие следы древней цивилизации. Однако жизнь на этой планете существовала: на холме неожиданно возникли двое мужчин, явно в веселом хмелю, причем один поддерживал другого. Тот, которого поддерживали, ничуть не удивился, увидев нас, и представился местным губернатором. Этому очень удивился Чубайс.

"Губернатор" толково объяснил, что все законно: в деревне всего семь человек — он сам с женой, Володька и четыре старухи от восьмидесяти пяти до девяноста семи лет. Никто ими не управляет, поэтому он выдвинул свою кандидатуру самостоятельно, и никто не возражал. От него мы узнали, что неподалеку есть турбаза, на которой отдыхал сам король Швеции, и чтобы туда добраться, нужно пройти вглубь залива метров на 300. Добрались. Вытащили гидроциклы на песок. Турбаза оказалась не королевской, но очень приличной: отреставрированные деревянные домики и, самое главное, с душем. Это была незапланированная возможность воспользоваться благами цивилизации.

Неорганизованно поужинали и неорганизованно уснули. Каждый дошел до первой незанятой кровати.

Даня Абызов раздевался по дороге, и по очереди ронял на землю куртку, свитер, рубашку... Все зверски устали.

2 июля

Переменная облачность. Промозглый морской ветер. Температура +15°.

Утром, которое давно перепуталось с вечером и ночью, как обычно, позавтракали, собрали снаряжение, надели рюкзаки и пошли к воде. Сегодня по плану — переход на Варзугу.

На берегу обнаружили, что гидроциклы стоят метрах в двухстах от воды — думали, что пошутил "губернатор". Оказалось, отлив. Большой воды придется ждать еще шесть часов. Все разбрелись. Меня потянуло в деревню. Проходя мимо одного из домов, услышал:

— Милок, заходи в гости!

На крыльце, гостеприимно распахнув дверь, стояла одна из местных старушек. Я зашел. Старушка угощала чаем и расспрашивала, кто мы и откуда. На время я заменил ей газеты, радио и телевидение. Потом рассказывала свою жизнь: про семью, про детей и про умершего лет тридцать назад мужа, чей портрет висел в красном углу под образами. Они с соседкой зимой живут в поселке, а сюда приезжают летом, потому что здесь огород, рыба и мужья на погосте.

Распрощавшись с хозяйкой, направился вдоль деревни к берегу и тотчас же увидел на пороге следующего дома "губернатора". Тот был еще веселее, чем при нашей первой встрече:

— А ко мне чего не заходишь? Заходи! У меня на приеме Чубайс!

Действительно, у "губернатора" сидел Анатолий Борисович. Посреди стола красовалась бутылка "Путинки".

— Самого дорогого не пожалел для дорогого гостя! — похвалился "губернатор".

Магазинная водка здесь редкость, магазины тоже. Об этом, похоже, и разговаривал "губернатор" с представителем "центра". Я застал конец их дискуссии по экономике и политике. Чубайс всерьез предлагал заняться промышленным ловом, заготовкой и переработкой рыбы, которой в море и местных реках хоть отбавляй. Объяснял, как это поможет создать инфраструктуру региона и поднимет уровень жизни. "Губернатор", выпив еще рюмочку, ответил, что инфраструктура у них сложилась лет триста или даже больше: что выпить всегда найдется, а рыбу ловим, когда закупается.

"Путинку" допить не успели — осталось чуть-чуть на доньшке. Пора

было торопиться на берег, чтобы не пропустить прилив. Вода прибывала стремительно, так же стремительно добрались до турбазы, стащили вещи на берег, снова запаковались в тяжелые одежды и начали сталкивать гидроджеты в воду. У погоста, на противоположном берегу залива, появилось все население во главе с "губернатором". Чубайс попросил кого-то из спортсменов сгонять на тот берег и отвезти им изъятые из запасов Миши Абызова гостинцы — сыр бри, испанское вяленое мясо, коньяк сорокалетней выдержки, конфеты, засахаренные фрукты в роскошной импортной упаковке и другую заморскую мелочь.

Бабушки стояли на пригорке в праздничных светлых вышитых платьях и платках. Когда мы отходили от берега, над заливом поплыли высокие печальные голоса — старушки затянули медленную пронзительную песню, скорее напоминавшую молитву или плач, которым обычно провожали уходящих в море.

* * *

За несколько часов мы преодолели оставшийся морской путь и оказались в устье реки Варзуги. Здесь, на Варзуге, начиналась сухопутная часть экспедиции. Дальше пойдем на север по Кольскому полуострову, и скоро пересечем Полярный круг...

Пришли баржи и КамАЗы с техникой. На берег выгружены квадроциклы — на спортивном жаргоне "квады", мотоциклы и джипы.

Поздний вечер. Солнечно. Прохладно. Комары.

Прошли 120 километров. Бездорожье, скальные участки, болота. Наконец, поселок Варзуга — столица районного масштаба. Нас встречает группа местных руководителей в черных официальных костюмчиках с обязательным галстуком. Здравуются с Чубайсом, наклонив голову, — ни дать ни взять гоголевские чиновники из "Ревизора". Городничий — маленький коренастый человек, ловко поднимающийся на цыпочках, чтобы казаться выше. И встречу он устроил для Чубайса, и даже местный клуб, в котором играют свадьбы, проводят торжественные собрания, выпускные вечера и похороны, превратил в ресторан. Нас, пыльных и забрызганных болотной жижей, усадили по одну сторону длинного стола, по другую сторону — они. Девочки в возрасте, в белых, еще советского образца официантских наколках, обносят дорогих гостей водочкой и закусками. На столе — только рыба. Жареная, запеченная, соленая, с капустой, с картошкой, с кашей. Бутерброды — с рыбой, пирожки — с рыбой, пельмени —

с рыбой. Рыба с рыбой... Мы поедем бесконечную рыбу, городничий с подчиненными съедают глазами Чубайса.

Очень вкусно. Очень сытно. Засыпаем.

3 июля

Непривычно тихо. Светит солнце. Поют птицы.

Проснулись на турбазе, где нас любезно приютила местная администрация. Позвали завтракать. Стол ломился от блюд. Вчерашних. Рыба, рыба, рыба... За завтраком городничий рассказывал, что именно на эту турбазу приезжал рыбачить шведский король. И Ельцин. А может быть, даже вместе.

Выйдя из столовой, мы обнаружили разновозрастную компанию местных мальчишек, столпившихся вокруг техники. Джипы, квады и "наш" вертолет, появившийся, как обычно, без видимых причин, были почти целиком облеплены детворой. Заметив нас, мальчишки сбились в кучку. Вид у них был сплоченный и полный решимости перейти в наступление, если вдруг будут ругать за излишнее любопытство.

— Смотри-ка, какая команда! — заметил кто-то из наших. — Может, в футбол?

На цивилизованной турбазе нашелся почти новый мяч. Наверно, до нас его пинал только шведский король. Матч состоялся тут же, на поле. Силы, однако, оказались неравны. У нас были отличные игроки и отличный играющий тренер — Чубайс. Анатолий Борисович побегал пять минут, вышел за боковую линию и продолжил тактическое руководство игрой. Мы повели в счете 8:0. Мальчишки расстроились.

В это время с очередной неудачной рыбалки возвращался Володя Платонов. Он немедленно примкнул к местным, перевел в свою команду сына Юру и кого-то из спортсменов. Получились две примерно равные по мастерству сборные поселка Варзуга, причем капитаном второй сборной оказался Карстен. Противостояние "наших" с НАТО продолжилось.

После матча Юра Платонов пошел на то место, где долго и безрезультатно стоял с удочкой его отец, и тут же принес две огромных рыбины.

Отправились обратно в поселок. Оказалось, вечером накануне мы проехали до турбазы километра четыре по камням и скальным выступам, но в памяти это не отложилось.

На центральной площади Варзуги, ровно через дорогу от того "ресторана", где вчера нас принимали местные начальники, возвышалась поразительной красоты деревянная церковь. Почему-то накануне ее никто не видел, наверно, спали уже за ужином.

Как нам рассказали, церковь построили в XVII веке поморы. Местный батюшка — бывший офицер-подводник. Окончил Военно-морскую академию в Ленинграде и служил на Северном флоте, потом ушел на гражданку, постригся и теперь служит в храме. Поднялись на звонницу, и отец Митрофан рассказал, как строили заново колокольню, разрушенную в советские тридцатые годы. Расколотые и изувеченные колокола погрузили на лодки и свезли в Устье, чтобы отправить на переплавку. В ожидании погрузки на бот их вывалили на песчаный берег реки. Ближайший прилив смыл большую часть ценного груза. Пока решали, как копать, да чем вытаскивать, следующий прилив поглотил оставшиеся колокола. И как потом ни искали со щупами — не нашли. Позже приезжали на это место ученые и археологи с приборами, металлоискателями, пытались обнаружить, — бесполезно... Шесть лет назад, когда поднимали над селом новые колокола, вывешивали и настраивали, внезапно налетел шквальный ветер, дождь и непонятный для августа холод и мрак. От храма все равно никто не ушел, даже маленькие дети, а вместе с первым звоном наступила тишайшая, прекрасная солнечная погода. Из таких рассказов, наверно, и возникли библейские притчи и житийные истории.

Все потихоньку стянулись к машинам, собираясь ехать, и еще долго ждали Чубайса, который беседовал с батюшкой. Позже, когда мы уже вели по маршруту наш борт-001, Анатолий Борисович, у которого я никогда раньше не замечал симпатии к церкви, неожиданно сказал:

— Храм надо восстановить. Он четыреста лет держится... Я решил дать денег.

— Вы? Или РАО?

— Я, — ответил Чубайс, — РАО есть куда вкладывать деньги. Видите — опоры электропередач, а проводов нет!

Я пригляделся, действительно: на равном расстоянии друг от друга стояли опоры бывшей ЛЭП, огромные металлические вышки без проводов. Еще в девяностые их срезали местные умельцы и продали как цветной лом.

Нужно отдать должное Анатолию Борисовичу — меньше чем через год к восстановленному храму в Варзуге подвели электричество от восстановленной ЛЭП.

4 июля. Утро

Холодно. Ветер. Солнце.

Платонов долго разглядывает свои командирские часы и спрашивает:

— Сейчас полседьмого или 18.30?

Только что закончился длинный переход. Шли весь вечер и всю ночь — нагоняли отставание от графика. Разделились на три группы: наши спортсмены и техники — на джипах, вторая группа, в том числе и я, — на квадроциклах, а самые отчаянные — среди них, конечно, Дания Абызов — на мотоциклах. Снова пришлось долго и подробно облачаться в специальные костюмы, надевать защиту, пристегивать и проверять рации. Навыки вождения квада вспомнил довольно быстро, хотя после годичного перерыва побаивался общения с этим зверем — еще давали о себе знать результаты прошлогоднего путешествия в Узбекистан. К счастью, в этот раз обошлось без аварий и трещин в ребрах.

По пыльной дороге, которая то вдруг резко обрывалась и превращалась в болото, то абсолютно терялась в зарослях, а иногда петляла среди скал, прошли километров 180 или 200. По хорошей трассе на это хватило бы двух-трех часов, а здесь — весь вечер и почти вся ночь...

Остановились у озера. Рядом — безжизненная деревня. Называется Муна. Ни одного человека, только дома с выбитыми окнами. Непонятно, почему в одних деревнях этого края жизнь идет своим чередом, рождаются дети, родители работают и строят дома, а из других — бегут, бросают родные места и оставляют заколоченные жилища?

Неожиданно ветер стих, и в воздухе образовалось невозможное количество комаров и прочих мелких тварей, мешающих двигаться, говорить и даже дышать. Саша Давыдов открыл специальный "антикомариный" чемодан и стал выдавать всем баллончики с репеллентами и накомарники. Репелленты не действуют. В накомарниках члены экспедиции похожи на бригаду пчеловодов. В руках у "пчеловодов" не соты и бидоны с медом, а бутылки, бокалы и бутерброды... Мы кричим "Ура!" и открываем шампанское: как сообщил Михаил Абызов, только что пройден Северный полярный круг.

Спасибо, Михаил Анатольевич!

Спасибо, Анатолий Борисович!

Теперь я еще и полярник...

Спасибо всем... всем... всем спать...

5 июля

Не холодно, не жарко... Голова болит...

Давыдов каждый день объявляет подъем в девять утра, но "режим" соблюдать не удается: несмотря на усталость после этапа, яркий полярный день мешает заснуть, и лишь к утру погружаешься в сон, из которого трудно выбраться по сигналу. Собираемся медленно, но постепенно движение

в лагере становится все более интенсивным: снова грузимся, сворачиваем палатки, надеваем костюмы. Сегодня идем к поселку Октябрьский — это всего лишь 50 километров. Саша Давыдов сказал, что джипы пойдут по хорошей дороге, а мы — по настоящей. Это значит по болоту, камням, гатям. Но собственно, именно за этим мы здесь. Именно ради этих камней и болот был самолет, потом вертолет и гидроциклы. Мы выбираем бездорожье.

По "хорошей" дороге нагруженные до предела джипы шли с трудом, и к месту остановки прибыли черными почти по самую крышу.

Катя Абызова, решив, что мы двигаемся слишком медленно, стала обгонять колонну, промчалась мимо меня, на скорости налетела на большой камень и поставила свой квадроцикл практически на дыбы. Чтобы избежать столкновения, я резко вывернул руль и вылетел "на полосу" — поросшую небольшими деревьями и густым кустарником обочину. Такая "авария" где-нибудь в Подмосковье была бы для участников и очевидцев большим событием, здесь же — легкая заминка, на которую никто и внимания не обратил.

Еще через какое-то время в очередном болоте вырубился один из ведущих мостов квадра, и только на полном газу удалось выбраться из засасывающей жижи. Я перестал различать, где кто. Все были облеплены толстым слоем грязи, и каждый напоминал сосиску в тесте, только сильно подгоревшую.

Уже почти в конце перехода я сбился с пути и заехал в тупичок. Стал разворачиваться, на какое-то мгновение потерял бдительность и обнаружил перед собой большое и, очевидно, крепкое дерево, которое приближалось с предельно допустимой скоростью. Резко свернув влево, налетел на поросль молодых березок. Их гибкие стволы распрямились и образовали естественный трамплин: я совершил затяжной прыжок на квадра. Юра Платонов решил, что это — сознательно срежиссированный номер, и показал большой палец — ну, молодец! Хотя даже при огромном желании я не смог бы этот трюк повторить.

Вокруг болот — то ли тайга, то ли сосновый бор. Ландшафт и погода на Кольском полуострове меняются чуть ли не поминутно. Из болота неожиданно выскакиваешь на песчаную дюну, где между стволов высоких сосен пробиваются вкось лучи солнца, как в Юрмале или Ниде. Так же вдруг, ниоткуда, возникают деревушки и поселки, и там, где, казалось, нет ни души, видишь сидящих в избе рыбаков, которые ничуть не удивляются нашему вторжению. Стены сплошь увешаны сетями, а под потолком рядами вялятся рыба. Рыбаки нам рады и спрашивают, нет ли пива, что-

бы опохмелиться. Несу им бутылку финской клюквенной водки. В знак благодарности они собирают с потолка рыбу. Даже не представляю, где она здесь водится...

Опять болота, гати, песок, камни...

Мы стоим на переправе через реку и ждем мотоциклистов. Им труднее всего даются броды и серьезные болота — иногда дорога буквально впадает в мелкие илистые озерца, и даже на квадах с четырьмя ведущими колесами проскакивать такие места очень тяжело.

Наконец появляется первый мотоцикл. Кажется, это Абызов, как всегда, впереди всех. Он рассказывает, что мотоциклы на самых вязких участках пути приходилось переносить на руках. Вот и остальные подтянулись. Надо продолжать путь. Впереди поселок Октябрьский. Говорят, там есть аэродром. Почему-то мне становится неудобно появляться в цивилизованном месте в такой грязной одежде и с совершенно с черным лицом. Вымыться негде. Вода в реке — восемь градусов. И даже не это страшит. Можно зажмуриться, вдохнуть поглубже и броситься с разбега в холодную воду. Страшно раздеться — тебя немедленно атакует туча комаров. Интересно, что они здесь едят, когда нас нет?

...Вот он, аэродром! Тайга резко обрывается, и до самого горизонта растягивается взлетное поле. Ровное, твердое, пустое. После полного бездорожья, где за час можно продвинуться не на километр даже, а на несколько десятков метров, мы не могли удержаться от соблазна погонять. Без всякой команды квады выстроились в одну линию и помчались к горизонту. Каждый закручивал ручку газа до предела, выжимая максимальную скорость. Кажется, еще чуть-чуть — и можно взлетать!

Взлет остановил Чубайс. Он остро чувствует ситуацию, близкую к катастрофе, и пытается ее разрядить... Наверно, это от профессии или от жизненного опыта.

Мы могли бы разбиться — на скорости квадроциклы становятся неуправляемыми.

Цивилизации, вопреки моим ожиданиям, никакой. Чубайс рассказал, что в шестидесятые годы этот аэродром был суперзасекреченным. Отсюда с прицелом на Скандинавию взлетали истребители: "отсель грозить мы будем шведу...". В те самые шестидесятые он видел это собственными глазами, потому что бродил недалеко от Октябрьского с группой студентов-походников. На взлетное поле их, правда, не пустили, и даже пытались задержать...

Сейчас здесь пусто, и не отпускает ощущение чего-то инопланетного.

6 июля

Низкое небо. Сумерки. Ветер иногда разгоняет облака, и тогда становится ясно, что сумерки — это иллюзия.

Дальнейший путь — через ручьи, речушки, реки, болота и мелкие озера. Такая своеобразная подготовка к рафтингу. Форсируем многочисленные водные преграды.

Каждый раз, когда подъезжаем к быстрой каменной реке, упираемся взглядом в вывороченные течением опоры мостов и принимаем решение идти вброд, я отбрасываю сомнения, потому что абсолютно уверен: дальше пройти нельзя никак. Но вопреки доводам разума чувствую, что раз мы здесь, значит, Саша Давыдов либо уже переправлялся на тот берег, либо все промерил, просчитал, выверил... и это значит, что нельзя не идти. Все могут, а ты нет? Зачем тогда в это ввязываться?

Первый и главный в колонне — Саша Давыдов. Вода поднимается до середины колеса, до порога, до капота. Уже должен захлебнуться мотор, или колеса соскользнуть с невидимой подводной колеи, но... пройдена самая глубокая точка, и постепенно машина начинает выныривать: над водой появляются капот, колеса, пороги.

Я — следующий.

Решительно не понятно, как все-таки двигатель не глохнет. Скоро убеждаюсь, что глохнет. Правда, не у меня. Экипажи по очереди останавливаются, зачерпнув воды или поскользнувшись на подводных камнях, и тогда приходится пускать в ход лебедку, вытаскивая застрявший джип на более гладкое и мелкое место. Понять, что произошло с машиной и как ее легче вытащить, можно только нырнув. Наши спортсмены и техники похожи на водолазов, обследующих поврежденный киль корабля. Вынырнув, они забираются на капот плывущего джипа, как на капитанский мостик, и командуют буксиру: право руля, лево руля!

Я не заглох!!!

Ура!

Чубайс вернул меня на землю, пояснив, что дело не в моем супермастерстве, а в суперколесах, которые он вывез из некой автолаборатории. Кажется, в этой же лаборатории разрабатывали резину для луноходов.

Добрались до стоянки. Это Умб-озеро, один из красивейших водоемов Кольского полуострова. Над водой поднимается то ли утренний, то ли вечерний туман. Время перестало делиться на день и ночь, и единицей измерения стали отрезки пути.

Кто-то полез купаться голышом. Кто-то ловил рыбу. Механики спеш-

но приводили в порядок джипы, пострадавшие в этом водном марафоне. Володя Платонов разложил на капоте своей машины мокрый паспорт, мокрые права, еще какие-то документы и развесил сушиться мокрые банкноты. Его джип довольно долго проторчал "по шейку в воде", и когда они с Юрой, выбравшись на берег, открыли двери, было ощущение, что подняли шлюз небольшого водохранилища. Вода, хлынувшая из машины, выбрасывала на песок книги, диски, вещи, пластиковые стаканы, очки, карты, рыболовные снасти. Потом Платонов признался, что чувствовал себя карасиком, которого несут с рыбалки в оцинкованном ведре с водой...

Сохнем, выпиваем-согреваемся.

Борода, наш повар, варит супчик. Чубайс первым не выдерживает, берет половник и наливает себе миску горячего ароматного супа. Кто-то тут же протягивает ему свою миску, и Анатолий Борисович наливает вторую. К нему выстраивается небольшая очередь — приходится взять на себя функции дежурного по кухне.

А тут еще звонок по спутниковой связи. Отставив суп, Чубайс отходит в сторону, долго разговаривает и возвращается с мрачным выражением лица. Объяснений долго ждать не надо — кто-то снял его с маршрута и вызвал на работу. Теперь остается ждать вертолета с Большой земли.

Обычный ужин превращается в проводы. Тосты и напутствия.

Вертолет прилетает довольно быстро, и Анатолий Борисович, глядя на остающихся без присмотра веселых членов экспедиции, поручает мне важную миссию:

— Вы как работник культуры должны остаться ответственным за нравственность.

Я был полон решимости выполнить его поручение, но стоило вертолету подняться в воздух, как Володя Платонов предложил отметить мое назначение.

Отказываться было безнравственно, и я согласился.

Праздновали весь долгий светлый полярный вечер, незаметно переходящий в такую же светлую ночь.

Горят костры, сохнут вещи, одиночки бродят по лагерю; кто-то отдыхает, кто-то допивает, кто-то засыпает...

Итоги этапа: один внедорожник остался без тормозов, другой — только с двумя ведущими колесами, а третий пришлось списать. Даже наши механики, умеющие чинить все — от примуса до КамАЗа, — не справились. Мы лишились одного экипажа, одного главы РАО ЕЭС и части крепких напитков.

7 июля

Неожиданно настало лето. Ясно, солнечно, жарко.

Направляемся к реке Кутсайоки, где нас ждет рафтинг и крупнейший в Европе водопад — Маманя. Дорога, точнее, ее полное отсутствие, снова пошла по грязи и болотам. Почему-то здесь, в отличие от города, где любая лужа или яма сразу отзывается у водителя нервами, матом, стрессом, это вызывает запланированную радость, азарт и чувство полной свободы, как в детстве, когда мама купила резиновые сапоги и разрешила ходить по всем лужам. А в ботинках было нельзя...

Вернемся к сюжету.

Инструкторы по рафтингу — сплошь мастера спорта и чемпионы по прохождению водных маршрутов высочайшей категории сложности. Их стихия — пороги и водопады.

Навыкам пилотирования нас обучают на берегу. Важно уметь жестко зафиксировать тело в рафте, зацепившись ногами за надувной валик, одновременно служащий сиденьем для впередисидящих — никакой страховки, веревки, ремня безопасности не предусмотрено, ибо "в случае крушения тело должно легко отделиться от рафта для свободного падения в воду". Важно синхронно работать веслами, то есть руками и корпусом. Из-за малейшей несогласованности в движениях можно закрутиться на месте, перевернуться, нырнуть.

Облачаемся в водонепроницаемые костюмы, делимся на экипажи — и в воду! Весь маршрут по реке, до самого водопада — быстрое течение, водовороты и пороги. Вовремя оттолкнуться веслом от препятствия, отдаться течению, где это возможно, лавировать между скалистыми выступами и, наконец, устремиться вниз с непрогнозируемым, неуправляемым, непредсказуемым валом падающей воды — все это мне пришлось испытать впервые.

У водопада Маманя река затихает, становится спокойнее и ровнее, как будто набирает дыхание перед прыжком. Здесь мы причаливаем, и инструкторы ведут нас вниз по высокому каменистому берегу — ринуться вниз на рафтах с 20-метровой высоты даже им кажется небезопасным. Рафты спускают на веревках, и там, где вода перестает бурлить, собирая брызги водопада в новый поток, опять пускают их в плавание. Следующий водопад — Оба-на, и это препятствие мы должны пройти уже на рафтах. Всего каких-то 7-10 метров... И нас снова ведут вниз по берегу, объясняя, показывая и разжевывая многократно, где именно нужно работать правым веслом, где левым, и между какими камнями лучше проскочить к кромке водопада, чтобы "упасть" правильно. Долго спускаемся по скло-

ну, и я вижу многотонную низвергающуюся массу воды снизу. Эта стихия шутя может раздавить, бросить с размаху на камень или разбить наш "утлый челн" о скалы. Именно об этом как бы между делом, непринужденно и весело рассказывают инструкторы. Они уверены, что точный расчет и четкость действий смогут эту махину обмануть. Я сомневаюсь.

Может, из-за уважения к моим годам, а может, физической или общественной весомости, Михаил Анатольевич Абызов предлагает:

— Иосиф Леонидович, давайте вы нас внизу подождете?

Чувствую себя бойцом, которого не берут в разведку. Возмущаюсь и настаиваю. Все соглашаются, но Саша Давыдов собирается сидеть рядом, чтобы не терять мою фигуру из поля зрения.

Какое там поле зрения!

В долю секунды ты оказываешься внутри бурлящего потока, как муравей, случайно попавший под струю водопроводного крана, как Ной, наблюдающий разверзшиеся хляби небесные... Хотя нет, Ной — это тот, кто веслом пытается направить падение в нужное русло, а я, скорее, кто-нибудь из тварей его ковчега...

Всеобщее ликование: мы внизу! мы сделали это!

В фильмах в такие моменты всегда звучит патетическая музыка, и на лицах героев появляется усталая улыбка.

В нашем случае патетики не получилось, потому что уже на ровном месте, после того как все подняли весла вверх и прокричали "ура", наш рафт напоролся-таки на острый камень, и именно подо мной с треском лопнула, точнее сказать, взорвалась одна из резиновых камер. Нас перевернуло и накрыло уже совсем не опасной, легкой волной.

Снова на берег, и пока заклеивают сорокасантиметровую дыру (а это непросто — в ход идут газовые баллоны, горелки, специальный клей, наждак, тальк и другие ингредиенты и приспособления), команда разбредается. Кто-то пьет чай из термоса, кто-то фотографирует водопад Оба-на с нового ракурса... Миша Абызов обнаруживает, что его прекрасная фотокамера с набором уникальных объективов утонула, и придется воспользоваться новой.

Я записываю впечатления. Подходит Саша Давыдов и предлагает глоток виски. Удивительный человек и потрясающий профессионал! Не понимаю, как можно удерживать в голове столько информации! Маршрут, транспорт, снаряжение, обеспечение "тылов", связь с Большой землей... Пока мы идем на джипах по Кольской тайге, он уже думает о сплаве по реке, рассчитывает, когда к месту стоянки у Баренцева моря должен выле-

теть вертолет из Архангельска, делает поправки на неизбежные изменения в графике движения, погодные условия...

Глоток виски, глоток чая, глоток кофе... а кто-то еще и закусил... Все расслабились и разом ощутили, что вновь работать веслом будет ой как трудно. Видимо, водопад отобрал последние силы...

Где-то в десяти километрах от места вынужденной стоянки нас ждут машины, готовые преодолеть последний сухопутный участок пути. Сегодня непременно нужно до них добраться, поэтому весла на воду! Никогда у меня так не болели мышцы, никогда элементарное движение плечом не давалось с таким трудом, как будто мозговой импульс, дающий команду рукам, плутает в усталом теле, теряется на нервных перекрестках, и так и не доходит до места... Я пригляделся: устали все. Нет синхронности и параллельности движений, рафты закручивает и несет на камни, кому-то приходится спускаться в ледяную воду и сталкивать с мели плот... Прошли всего километра два, а казалось, что все двадцать. Думали, что цель близка, а тут руководители стали чаще и все более нервно переговариваться по рации, и по обрывкам фраз стало понятно, что джипы совсем не в том месте, где должны быть, и непонятно, сколько же еще грести... Каждый втайне надеялся, что сосед, напарник, товарищ сдастся и закричит во все горло: "Нет больше сил!" — но сам не решался. С джипами по-прежнему неясно, Абызов и Давыдов что-то кричат в приемники, связь обрывается то и дело...

И вдруг на высоком берегу мы видим палатку и уютный костерок, и чью-то куртку, сохнущую на ветру, и хозяин куртки приветствует нас и призывно машет рукой.

Кто-то, не помню кто, предложил: давайте спросим у этого человека! Все с невероятным энтузиазмом подхватили — давайте! давайте! — и направили рафты к берегу.

Человек на берегу почему-то добрался сюда на "Жигулях", и Саша Давыдов, одолжив у него транспорт, метнулся вдоль реки на поиски наших джипов.

Сидим на траве. Больно кусает комар, но нет сил поднять руку и прихлопнуть кровопийцу... Комаров здесь тучи несметные...

Через полчаса появляются знакомые "Жигули" и два наших, родных, джипа. Саша их разыскал и привез. До места ночевки добираемся уже не по воде, а по дороге. И не мы ведем джипы, а они везут нас.

Спать повалились, кто где.

Утром по обыкновению встал рано, и обнаружил, что наш лагерь по-

хож на табор или колонию бомжей: все, что должно быть вымыто, сложено и упаковано, разбросано в полном беспорядке.

Вечером никто этого не заметил.

8 июля

9 июля

Низкая облачность и морозящий дождь. +12°C.

Деление суток на утро, день, вечер, ночь не наблюдается.

Последний участок пути — 500 километров. Цель — полуостров Рыбачий, где в назначенной точке в назначенный час нас возьмет на борт вертолет.

Как указано в описании маршрута, дорога грунтовая, относительно ровная, большей своей частью идущая вдоль границы с Финляндией и Швецией.

Дорога действительно ровнее, чем пересеченная местность со множеством болот, бродов, поваленного леса, нагромождений камней и принесенных ледником валунов, по которой нам приходилось идти раньше. Но... 500 км — это расстояние от Москвы до Орла, которое нормальный водитель покрывает максимум часов за пять. По графику, последний перегон мы должны были преодолеть за пятьдесят часов. То есть расчетная скорость примерно тринадцать километров в час — вот такая ровная дорога! Плюс время на короткие остановки, плюс десять часов на сон. Из-за потерянных на Белом море "штормовых" суток мы должны были ужаться до тридцати часов. Как?!!

Это был главный вопрос общего собрания участников экспедиции у въезда на пограничную заставу. Возле шлагбаума, за которым скрылся генерал Платонов, стояли давно потерявшие столичный лоск некогда серебристые с яркими надписями измученные джипы, окруженные не менее потрепанными грязными усталыми людьми.

Итоги собрания:

Решаемся на бросок без сна.

Пытаемся срезать путь, где это возможно.

"Срезать" путь помог Владимир Юрьевич Платонов. Генеральский чин и принадлежность к организации, непосредственно курирующей пограничные войска, позволили ему договориться, что нашу колонну пустят прямо вдоль границы. Это прямее, чем по намеченному маршруту, а значит, быстрее.

Пока мы были заняты обсуждением своих дел, к джипам стянулось

почти все взрослое и детское население заставы. Видимо, недоверие к незнакомцам у пограничников в крови, по крайней мере, нам сначала показалось, что местные настроены недружелюбно. По мере того, как все больше мальчишек обтирали рукавами налипшую на двери джипов грязь, чтобы рассмотреть рисунки на борту, по мере того, как генерал Платонов находил с начальником все больше и больше общих знакомых, служивших в погранвойсках, обстановка менялась, и "холодная война" в конце концов завершилась обменом подарками и прощальными объятьями.

Мы двинулись дальше.

По границе шли впритирку к распаханной контрольно-следовой полосе. Иногда мы видели солдат в дозоре — ничего общего с бдительными пограничниками на советских плакатах. Идут не торопясь, беседуют, не обращают на нас никакого внимания... Хотя, им, конечно же, сообщили о прохождении колонны... Через колючую проволоку, натянутую на тоненькие столбики, улыбались финские пограничники. Может быть, они были бы рады принять нас на своей территории...

Где-то поблизости во время войны проходила линия Маннергейма, и можно было заметить остов немецкого орудия, гильзу от гаубичного снаряда или смятую каску... Все это было настоящим и покоилось здесь со времен войны, только сейчас казалось киношным реквизитом, а пейзаж за окном машины — декорацией. Реальность ограничивалась рулем, звуком мотора, сцеплением шин с дорогой.

В какой-то момент мы вдруг выехали на твердый грунт, и почувствовав возможность прибавить скорость, дали по газам. Из-за поломок, полученных на "водном" этапе, часть джипов пришлось снять с маршрута, и оставшиеся пять машин шли нагруженными до предела. Экипаж состоял теперь не из двух-трех человек, а из четырех или даже пяти; на верхних багажниках крепили снаряжение или части покалеченных мотоциклов. Пыль, пот, грязь, прилипающие к рулю руки... Устали, но едем, едем, едем...

Пейзаж меняется часто — то скалы, то песчаная дорога, то подлесок. Очертания размытые и нерезкие, взгляд фокусируется только на том, что видно в лобовое стекло и зеркало заднего вида. "В зеркале" вдруг произошло нечто, что заставило меня усомниться в собственной адекватности. Над джипом Володи Платонова высоко в воздух взлетело колесо и, описав красивую дугу, исчезло в лесу. Платонов при этом продолжал ехать на трех колесах, и только через несколько секунд остановился, аккуратно посадив джип на ступицу.

Колесо удалось найти по примятым и сломанным верхушкам деревьев — наверно, так же нашли Тунгусский метеорит.

Вынужденную короткую остановку используем для короткого отдыха. Дальше — по прямой до конца. Этот финишный спурт ознаменовался моим личным рекордом — 23 часа за рулем.

Как правы были те, кто выбирал, определял, прочерчивал маршрут! Не знаю, где еще на земле можно на одном полуострове найти такую частую и взаимоисключающую смену пейзажей, рельефов и стихий, как на Кольском, — кино, кино, кино... И вот по законам киномонтажа после крупного плана — колеса, руля, ближайших метров дороги, резко открывается широчайшая панорама, самый общий план до Баренцева моря, до горизонта.

И уже совсем ибсеновские пейзажи — скалы и фиорды. Глядя на эту красоту, буквально ощущаешь ее рукотворность, будто действительно мосфильмовские бутафоры специально лепили этот рельеф, подбирали оттенки серого и зеленого, подкрашивали воду темно-синим.

Еще чуть-чуть...

Остается несколько километров. Мы идем по высокой гряде и ищем место, где можно спуститься к воде, на галечный берег, куда и должен приземлиться вертолет. Уже кажется, я его слышу... Монотонность величественных пейзажей, сменяющих друг друга, как однотипные декорации на поворотном круге, усыпляет. Никто не балагурит, как обычно, в эфире, не пытается веселить попутчиков: только бы дотерпеть, доехать, дожать...

Штормовое Белое море, вязкие болота, камни, валуны, Кольская тайга с поваленными деревьями и вечными палками в колеса, и теперь, наконец, ровная и ясная дорога. Катимся к финалу.

И вдруг одна из машин, медленно идущих караваном, делает незапланированный зигзаг, валится на бок, перекачивается на крышу, на другой бок, сминая деревья и крупные кусты. Эти деревья и кусты, и, конечно, мощная внутренняя рама не дали джипу набирать скорость, падая с крутого склона, и спасли тех, кто был внутри.

Мгновенно взорвался эфир, все проснулись и ринулись выяснять и помогать... Оказалось, что за рулем четвертого экипажа уснул водитель М.А. Абызов. Рядом дремали его жена Катя и сын Даня.

Несколько раз перевернувшись, помятый, с выбитыми стеклами джип встал на колеса на ровной площадке у самой воды, идеально подходившей

для посадки вертолета. В результате происшествия никто, кроме джипа, не пострадал. Экипаж № 4 закончил экспедицию чуть раньше других.

Буквально в нескольких десятках метров от злополучного места мы нашли съезд с гряды и выехали на берег. Вертолету сообщили координаты, а они сообщили, что прилетят за нами через час-полтора.

Из каких-то самых тайных тайников Миша Абызов извлекает самое неприкосновенное и вкусное шампанское, но перед этим мы снимаем с себя и сдаем Давыдову шлемы, перчатки, очки, сапоги, системы индивидуального водоснабжения и много-много всего. Без чего нельзя было пройти эту непростую и замечательную дорогу и что совсем не понадобится через каких-то пару часов. Все это снаряжение вместе с джипами, квадроциклами, мотоциклами, гидроциклами, рафтами, будет ждать следующей экспедиции. Перед тем как переодеться в "гражданское", самые отчаянные, а таких немало, совершают прощальный заплыв в Баренцевом море, которое сейчас, в июле, прогрелось до 5-6 градусов.

Потом снова шампанское, или что-то покрепче... Костер. Прощание. Погрузка в вертолет.

Над морем по-прежнему солнце, и хоть море уже не Белое, а Баренцево, этот бесконечный белый день продолжается. Когда-нибудь и он закончится, как закончилась наша экспедиция. Здесь, говорят, наступит полярная ночь, а на нас наступит Москва, где больших начальников — генерала Платонова, бизнесмена Абызова, энергетика Чубайса — я встречу вместе разве что на каком-нибудь дне рождения или на премьере в нашем театре. Но мир вечен, и ночь снова сменится долгим днем, и опять будет отпуск, и Саша Давыдов уже прокладывает, пусть пока только на чистенькой карте, новые маршруты.

Р. С.

Характеристика, данная спортивным руководителем экспедиции Александром Давыдовым своим ближайшим соратникам, благодаря которым мы оказались в белые ночи на Белом море и дошли до Баренцева, записанная автором на одном из привалов и цитируемая в точности, без вмешательства редактора.

У нас № 1 — Денис Линчевский.

Реально уникальный человек. Единственный в мире, который упал с высоты один километр и остался жив, при этом продолжает активно заниматься экстремальными видами спорта. По призванию он — бейсджампер.

Бейс — это прыжки с парашютом с неподвижных объектов. В самом названии зашифрованы первые буквы этих объектов — скалы, мосты, высотные здания. Денис в этом высокий профессионал и входит в десятку лучших бейс-джамперов мира. Бейс-джамперы, как саперы, ошибаются только один раз, поскольку прыгают они без запасного парашюта. Поэтому готовиться к прыжку и выполнять трюк нужно предельно четко. С Денисом был случай во Франции, когда он прыгал со скалы, и неверно оценив расстояние до земли, поздно дернул за кольцо. Парашют выскочил, но не раскрылся, и Денис, как говорят джамперы, "вытянул на тряпке". Помогло ему то, что он был в костюме "летучей мыши" и шел по касательной к земле, и так упал в глубокий снег, прямо к ногам своей будущей жены. Его жена, тоже бейсер, снимала прыжок на камеру...

Живет он в подмосковном Протвино и руководит там станцией мототехники.

На Кольском он был навигатором на маршруте с группой мотоциклистов, фактически — палочкой-выручалочкой, особенно для тех, кто не слишком хорошо был знаком с техникой.

№ 2 — Дима Верещак — наш бессменный механик-водитель, обладающий правами всех категорий. Участвовал в испытаниях автомобилей на полигоне в Дмитрове. Вести машину он может сутками и почти без отдыха. Единственное, что ему для этого требуется, — постоянно пополняемый запас кока-колы. Вместе со вторым механиком ... они за ночь привели в рабочее состояние затопленные машины.

№ 3 — Арсений Болдырев. Человек по-своему уникальный. Физик-оптик. Закончил МГУ и почти защитил кандидатскую диссертацию. Профессиональный экстремал и обладатель уникального рекорда — прыжка на каяке с 32-метрового водопада в Мексике. В российском экстремальном каякинге его почитают как гуру. Он никогда не ошибался, что в экстремальном спорте очень важно. Кстати, он же первым в России прошел водопад Маманя, который наша экспедиция осторожно обошла.

В экспедициях мы обычно передвигаемся параллельными группами — мотоконвой и конвой джипов. На Кольском Арсений отвечал за джипы. Как правило, моторизованная группа уходит вперед, без технической поддержки, без еды, без какого-либо полезного груза. И вот тут очень важно, чтобы автомобильный конвой приходил в нужную точку маршрута через

минимальный срок, потому что от этого иногда зависит даже жизнь людей. С этим Арсений всегда справлялся блестяще.

С Арсением и Васей мы много работали для телеканала "Русский экстрим" и сняли порядка 15 передач в Мексике, Лаосе, Камбодже, Марокко, Замбези.

В команде гидов Арсений, пожалуй, самый молодой и самый опытный. Как профессиональный кайакер он "на ты" с горной водой, а еще является профессиональным инструктором по внедорожному вождению джипов и мотоциклов, летает на вертолете, обладает солидной спелеоподготовкой... В общем, и на воде, и на земле, и в небе, и под землей...

№ 4 — Алексей Демидов. Тоже интересный человек. Как и Верещак, представляет "дмитровскую группировку". Вообще, большинство наших ребят из Подмосквья — Протвино, Дмитров, Серпухов, Красногорск... Леша — профессиональный мотокроссмен, которого посадили на мотоцикл в раннем детстве, и он всю свою жизнь провел, не слезая с этого агрегата. У него довольно удачно сложилась спортивная карьера — в списке его травм более сорока переломов, за что профессионалы Лешу очень уважают. Служил он на Севере, в морской пехоте, в элитном подразделении "Белый медведь".

Для нас он мотогуру, непререкаемый авторитет во всем, что связано с мотоциклами. Он и нас обучил ездить на мотоциклах. Сейчас в нашей команде он выполняет роль механика и полностью отвечает за подготовку всей мототехники — мотоциклов, квадроциклов, гидроциклов, снегоходов...

№ 5 — Слава Кашурин, или Борода. Он не из Подмосквья, а из Питера, и его мама делает знаменитое "северное сияние" — фантастический вкуснейший самогон, который во всех экспедициях берегут для самых торжественных случаев. Он — создатель дизайна и стиля, который для каждой экспедиции разрабатывается специально, и разработчик креативных проектов на маршруте. Например, ледовый городок на Байкале — его идея и воплощение. Слава — наш шеф-повар. Много занимаясь дизайном, он и на еду переносит дизайнерский подход: в самых невероятных местах ухитряется раздобыть свежайшие местные продукты и соединяет их в блюдах в невероятных сочетаниях. Просто высокая кухня! Еще в школьном возрасте родители увезли Славу в Германию, но к счастью, через пять лет им отказали в выдаче вида на жительство. Страшно подумать, что мы могли бы не познакомиться.

№ 6 — Вася Мозжухин. Уникален тем, что сочетает в себе несочетаемые качества. Будучи далеко не самым аккуратным человеком в быту, в наших экспедициях он выполняет две функции, требующие предельной аккуратности. Вася — профессиональный хирург и занимается у нас починкой людей. В каких бы условиях он этим ни занимался, операции проходят со строжайшим соблюдением санитарных норм. Как только он открывает свой волшебный чемоданчик, мгновенно перевоплощается из обычного Васи в Доктора Мозжухина. Вторая его профессия — оператор, причем Васин творческий рост от посредственного владения любительской видеокамерой до высочайшего мастерства и знания новейшего оборудования произошел на наших глазах. Васю Мозжухина знают как оператора и на телевидении, где он время от времени проводит мастер-классы. Западные партнеры зовут его Mr. Spicy — Вася в состоянии есть настолько острую пищу, что любой другой посчитает ее несовместимой с существованием.

№ 7 — Александр Мищерев. По основной профессии Саша — кузнец. Человек, который работает с металлом и творчески самовыражается посредствомковки. Занимается промышленным альпинизмом. Для экспедиции важен его "кайакерский бэкграунд" и великолепные навыки скалолаза. Если на какой-то части маршрута требуются веревки и страховки, то это к Саше. И еще он очень хороший механик. Парк нашей техники все время растет. Она очень хорошая, но эксплуатируется в таких условиях, что без Сашиных рук вряд ли пережила бы одну экспедицию.

Автобиография Александра Давыдова

Окончил авиационный техникум по специальности "авиационное вооружение". Никогда по специальности не работал. С детства занимался путешествиями и походами. Позже увлекся кайакингом, продолжал путешествовать и развил эту тему до профессионального экстрима. В 1996 году поучаствовал в проекте Camel-трофи в Аргентине, Парагвае и Чили. Нашу команду из двух человек отобрали из пяти тысяч претендентов. На всех отборочных этапах я набирался навыков внедорожного вождения и сильно привязался к автомобилям. После Camel-трофи пришел к организации путешествий и уникальных экспедиций, чем и продолжаю заниматься до сих пор.